

СОМНИТАЕ ДОН ВДУШЕГО
ERINNERN FÜR DIE ZUKUNFT

1941
НАПАДЕНИЕ
ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
ОСЫЛКА ВРЕМЕНЩИКОВ ЕВРЕЕВ
В ЛАГЕРЬ СМЕРТИ В МИНСКЕ
МЫ ПОМНИМ О ЖЕРТВАХ
БРФМЭН 1991 МИНСК

Клара Хеккер

Немецкие евреи в Минском гетто

IBB Internationale Bildung-
und Begegnungswerk
Минский международный
образовательный центр

IBB Internationale Bildung-
und Begegnungswerk

GWM Geschichtswerkstatt Minsk
Псторычная майстарыя
у Мінску

пытались раздаривать ценности друзьям и соседям, чтобы эти вещи не попали в руки представителей государственной власти⁷².

Большинство евреев в день депортации прощались с родственниками и друзьями. Многие устраивали со своими семьями прощальный обед⁷³.

2. Депортация немецких евреев в Минск в 1941 году

2.1. Организация сбора депортируемых

Евреи, получившие приказ о депортации, должны были явиться на сборный пункт.

В Бремене депортируемым либо предписывалось приходить на сборный пункт рано утром, от 6 до 7 часов, самостоятельно, либо их забирали люди в штатском или в военной форме. Небольшими группами их отводили на железнодорожную станцию⁷⁴. Жителей соседних населенных пунктов собирали на школьных дворах поблизости станций, иногда уже за день до отправления. И сбор евреев, и транспортировка их на станцию не оставались незамеченными, хотя власти стремились осуществлять все это под покровом ночи, почему и назначали сбор на столь раннее время. В Бремене собирающихся на школьных дворах людей видели прежде всего школьники⁷⁵. Карл Лёвенштайн также рассказывает, что власти сознательно старались скрыть факт депортаций от населения: *«Чтобы скрыть нас от населения, нас отвозили в крытых грузовиках на железнодорожную станцию, к самой погрузочной рампе»*⁷⁶. Зигфрид Грюнбаум, житель Франкфурта, воспоминания которого о депортации в Минск были опубликованы в 1964 году на региональной странице газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», пишет о проявлениях враждебного отношения населения к депортируемым во время их долгого марша по Франкфурту: *«11 ноября 1941 года в семь утра в нашу кварти-*

⁷² Rohdenburg, Günther: Die letzten 26 Tage in Bremen, in: Es geht tatsächlich nach Minsk. Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18.11.1941 in das Vernichtungslager Minsk, hrsg. v. Staatsarchiv Bremen, Bremen 2001, S. 7–22, S. 14.

⁷³ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 14.

⁷⁴ Автор предполагает, что депортируемых собирали небольшими группами, чтобы предупредить беспорядки и, прежде всего, не вызвать возмущения населения этой акцией.

⁷⁵ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 17f.

⁷⁶ Loewenstein: Minsk, S. 14.

ру явились сотрудники гестапо. Они приказали нам собраться в дорогу. Затем нас вместе со многими другими людьми повели бесконечной колонной по направлению к крытому рынку. Туда мы дошли только во второй половине дня. Мои родители, как я хорошо помню, были в жутком настроении. Мой отец до депортации был булочником. Теперь же мы брели по улицам родного города, а у тротуаров стояли любопытствующие, в их числе множество сброда с явно враждебным отношением к нам»⁷⁷.

Семья Хайнца Розенберга вечером накануне депортации должна была явиться в бывшую Еврейскую ложу на Моорвайденштрассе. Там члены юденрата и сотрудники гестапо прежде всего проверили чемоданы и велели отнести их на склад. Затем евреям приказали построиться в правой или в левой — в зависимости от начальной буквы фамилии — половине комнаты. В комнате было четыре стола, по сторонам каждого из них стоял представитель юденрата, а также сотрудник гестапо либо эсэсовец. У первого стола собравшиеся должны были называть фамилию, дату рождения и адрес. После этого из картотеки извлекалась какая-то карточка, и эсэсовец вычеркивал указанную фамилию из длинного списка. У следующего стола надо было сдать удостоверение личности и подписаться под нижеследующим документом⁷⁸: «Я, нижеподписавшийся еврей, настоящим подтверждаю, что являюсь врагом Германского Правительства и как таковой не имею никаких прав на оставленное мною имущество — мебель, ценности, банковские счета или же наличные деньги. Настоящим мое немецкое гражданство аннулируется, и я с 8 ноября 1941 года являюсь лицом без гражданства»⁷⁹. Подписанный документ вкладывался в сданное удостоверение. У третьего стола приказывали вывернуть карманы, бросить бумажник и деньги в большую корзину для бумаг, а всякого рода письма и записки порвать. У последнего стола требовали сдать деньги, серебро и драгоценности⁸⁰.

⁷⁷ Nur einer kam nach Frankfurt zurück. Ein Tankstellen-Pächter berichtet: „Ich wurde nach Minsk deportiert“, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 07.03.1964, S.61.

⁷⁸ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S.15f.

⁷⁹ И в данном случае Розенберг не указал, передает ли он общее содержание документа или же приводит его копию. Rosenberg, Heinz: Jahre des Schreckens, S.16.

⁸⁰ Rosenberg, Heinz: Jahre des Schreckens, S.16.

Карл Лёвенштайн и Хаим Барам⁸¹ отмечают, что проводился и личный досмотр⁸².

Эти издевательские проверки, требование подписать заявление, которое лишало их гражданства, отнимали у депортируемых последнюю искорку надежды на возможность возвращения и на человеческое обращение⁸³.

Иногда случалось, что во время проверок на кого-либо из ожидавших депортации поступала броня от его работодателя, и тогда этот человек освобождался⁸⁴. Вместо освобожденных в транспорт брали других евреев. Если кто-то из евреев, ожидающих депортации, совершал самоубийство, то другим лицам разрешалось добровольно⁸⁵ присоединиться к депортируемым вместо него⁸⁶. Из-за подобных сбоев депортируемых нередко очень долго держали на сборных пунктах.

Процедура подготовки к отправке выглядела в разных городах в основном одинаково, разной была лишь продолжительность нахождения на сборных пунктах. Так, в Гамбурге евреи проводили на сборных пунктах одни сутки, а в Берлине, в синагоге на Левецоштрассе, депортируемым пришлось томиться двое суток. Хаим Барам, еврей из берлинского транспорта, описывает атмосферу в синагоге, которая на время превратилась в своего рода кемпинг: «После всех этих мер по лишению нас имущества нам разрешили войти в большой молельный зал. На двое суток он стал для нас и жилой комнатой, и спальней. Вокруг слышался непрерывный гул, смешанный с криками и плачем. Каждые несколько минут из громкоговорителей доносились объявления. [...] Нам хотелось

⁸¹ Baram, Chaim: Where was the sun 1939–45, Israel: Gideon Behrendt, 1996. Хаим Барам (раньше его звали Хайнц Берендт) в ноябре 1941 года был депортирован из Берлина в Минск. Он остался в живых и после войны эмигрировал в Палестину. Свои воспоминания о минском гетто он написал в 1961 году.

⁸² Loewenstein: Minsk, S. 14; Baram: Where was the sun, S. 3.

⁸³ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 18.

⁸⁴ Loewenstein: Minsk, S. 13.

⁸⁵ Полуарийские супруги, а также дети из смешанных браков, на которых волна депортаций 1941 года не распространялась, часто просили разрешения ехать вместе с близкими.

⁸⁶ Rosenberg.: Jahre des Schreckens, S.16.

наружу, хотелось вдохнуть свежего воздуха. Божий храм был превращен в кемпинг»⁸⁷.

2.2. Транспортировка в Минск

В отличие от последующих депортаций, в ноябре 1941 года евреев везли в Минск еще в пассажирских вагонах. Правда, в отдельных вагонах мест не хватало, и некоторым из депортируемых приходилось сидеть на полу⁸⁸.

Карла Лёвенштайна и других депортированных из Берлина евреев 14 ноября 1941 года погрузили в вагоны, которые раньше назывались вагонами IV класса; сидячих мест в них хватило для всех. В качестве дорожного пайка каждый получил по небольшой буханке формового ржаного хлеба. В Минск ехали четверо суток. В дороге в одном из соединительных шлангов системы отопления обнаружился дефект, и начиная со второго после локомотива вагона состав не отапливался. Один человек умер от переохлаждения. Лёвенштайн отмечает также, что на протяжении всех четырех суток пути людям не хватало пищи и воды⁸⁹. Бертольд Руднер, также депортированный из Берлина, пишет о тяжелых условиях, в которых им приходилось ехать: о холоде, недостатке еды, о том, что постоянно хотелось пить. И все же, — пишет он, — настроение не было плохим: один из попутчиков, скрипач, давал хорошие концерты, по ночам звучали старинные еврейские песни, депортируемые вкладывали в пение всю душу⁹⁰.

Дорога из Франкфурта была еще более тягостной, поскольку продолжалась шесть суток. Людям не хватало прежде всего воды. Один из выживших, еврей из франкфуртского транспорта Берни Лане, вспоминает, что когда шел дождь, люди высовывали руки из окон, чтобы получить хоть пару капель влаги. Многие умерли из-за недостатка жидкости еще до прибытия в Минск 17 ноября 1941 года⁹¹. Анонимные свидетельства оставшегося в живых франкфур-

⁸⁷ Baram: Where was the sun, S. 4.

⁸⁸ Interview mit Günther Katzenstein, S. 11.

⁸⁹ Loewenstein: Minsk, S. 14f.

⁹⁰ Dem Andenken Martha Crohns, IfZ, Bl. 00003.

⁹¹ Kingreen: Gewaltsam verschleppt aus Frankfurt, S. 363.

тского еврея воссоздают аналогичную картину транспортировки в Минск. Автор воспоминаний рассказывает прежде всего о страшном холоде, царившем в вагонах, и о недостатке еды: дорожный рацион на семь суток пути состоял из 1,5 кг хлеба на четыре человека и 100 г ливерной колбасы на каждого⁹².

В воспоминаниях Хайнца Розенберга также говорится о подобных проблемах на протяжении тех трех суток, пока они ехали из Гамбурга в Минск: «Вагоны не отапливались, купе были битком набиты людьми и багажом. [...] Порции воды и продуктов становилось все меньше»⁹³.

Три открытки, отправленные одним из бременских евреев, — по-видимому, единственные известные весточки из транспортов, следовавших в Минск, — воссоздают картину ситуации в транспорте. Открытки дошли до своего адресата и находятся теперь во владении живущей в США дочери отправителя.

Документ 2

Три почтовые карточки, отправленные
из бременского транспорта, следовавшего в Минск⁹⁴

* * *

Лицевая сторона:

Почтовый штемпель: 19.11.(19)41 Кройц (Восточная железная дорога)

Адрес: фройляйн Юлия Фельчер, Бремен, Россбахштрассе, 77

Обратная сторона:

19.11. Дорогая Юлия! Мы выехали вчера, в 11.30 утра, и сейчас, полдевятого утра, находимся в Старгарде, Померания. Пока все хорошо. Настроение прекрасное. Поезд битком набит. Этой ночью родилось двое детей, правда, в вагоне у гамбургцев. Успею еще раз написать вам с немецкой территории. Большой привет маме и тете Зельме. Твой папа.

⁹² Anonymer Bericht: Frau und einziges Kind in Minsk ermordet, Jüdisches Museum Frankfurt, A696, Bl. 1.

⁹³ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 18.

⁹⁴ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 134.

* * *

Лицевая сторона:

Почтовый штемпель: 22.XI.(19)41 Варшава

Адрес: фройляйн Юлия Фельчер, Бремен, Росбахштрассе, 77
Штемпель об уплате дополнительного сбора

Обратная сторона:

Варшава, 20.11. Дорогая Юлия! Сейчас мы в Польше, и вот у меня случайно выдалась возможность написать пару строк. Пока все неплохо, разумеется, довольно утомительно, но мы очень верим в лучшее. Пока еще не холодно. Нас действительно везут в Минск, там сейчас 25-градусный мороз. Эта открытка перепачкана потому, что пишу я сидя у самого паровоза. Письма в тайную государственную полицию (гестапо. — Примеч. переводч.) были у меня с собой, я уже отправил их. Но вы и сами должны постараться. От Варшавы нам еще ехать около 1000 км (зачеркнуто) километров. Напишу из Минска при первой возможности.

Желаю всем вам доброго здоровья. Будем надеяться, что нам всем еще доведется встретиться. Большой привет маме и тете Зельме от Тиник [?] и детей. Твой папа.

* * *

Лицевая сторона:

Почтовый штемпель: 15.12.(19)41

Адрес: фройляйн Юлия Фельчер, Бремен, Росбахштрассе, 77

Обратная сторона:

Дорогая Юлия!

Сегодня пятница, пишу в 10 часов утра. Мы давно уже на территории России, в 150-ти км от Минска. Мороз не такой уж и сильный. Настроение хорошее. Неизвестно, сколько нам еще ехать. Хотелось бы надеяться, что вы получите эту открытку. Станция, с которой я пишу, называется Барановичи. Всего вам доброго. Сердечный привет Всем. Папа.

Эти открытки представляют собой абсолютное исключение, поскольку в целом контактов между депортированными и не депортированными родственниками почти не было. Власти обязыва-

ли близких подписать заверение ни в какой форме не проявлять заботу о судьбе депортированных близких⁹⁵. Содержание открыток позволяет предположить, что автор не утратил веры и надежды. Неясно только, не объясняется ли такое положительное описание ситуации желанием успокоить близких, оставшихся дома. Мартин Шпаниер, один из оставшихся в живых узников минского гетто, тоже отзывается о бременском транспорте далеко не столь критично, как некоторые евреи о других транспортах: «В чешских пассажирских вагонах, в сопровождении бременской охранной полиции, которая вела себя очень гуманно, нас транспортировали в Минск, куда мы приехали примерно после пяти дней пути»⁹⁶.

2.3. Настроения и ожидания депортируемых до и во время «эвакуации»

Большинство депортируемых до последнего момента не знали, куда их повезут и что их ждет на новом месте. Соответственно и настроение их было окрашено неопределенностью и страхом, но, с другой стороны, оставалась и надежда⁹⁷.

Розенберг в своих воспоминаниях пишет, что уже депортация из Гамбурга в Лодзь 25 октября 1941 года не прошла незамеченной. Было объявлено, что евреи нужны в Польше для восстановления разрушенных бомбардировками и сожженных городов, однако при этом не сообщалось, куда именно их увозят. Позже никто так ничего и не узнал ни о ком из отправленных с этим транспортом⁹⁸. Таким образом, можно полагать, что многие депортируемые догадывались, что их увезут на Восток, хотя, как и в случае, о котором рассказывает Розенберг, место назначения вначале не сообщалось. Точное же место назначения они узнавали уже перед самым отправлением. Хайнц Розенберг рассказыва-

⁹⁵ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 20.

⁹⁶ Weidemann, Jürgen: „Hunger, Krankheit und Tod waren allgegenwärtig“. Vom Leben in Minsk -- und danach, in: es geht tatsächlich nach Minsk. Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18.11.1941 in das Vernichtungslager Minsk, hrsg. v. Staatsarchiv Bremen, Bremen 2001, S. 23–34, S. 24.

⁹⁷ Там же, с. 24.

⁹⁸ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S.14.

ет, что еще в последнюю ночь на сборном пункте председатель еврейской общины говорил им, что цель «эвакуации» — восстановление городов на Востоке. Утром в день депортации представитель юденрата на станции еще раз заверил, что никаких оснований для паники нет: главное командование СС в Гамбурге якобы дало гарантию, что с депортируемыми не случится ничего плохого, что их отправляют для восстановления разрушенных городов⁹⁹. Тот факт, что в некоторых воззваниях к депортируемым людей призывали брать с собой рабочий инвентарь, поддерживал оптимистические ожидания¹⁰⁰. Соответственно и на настроениях сказывались и надежда, и неизвестность.

Депортируемым из Берлина место назначения также не сообщали. Лёвенштайн пишет: «Никто, конечно же, не знал, куда нас везут. Хотя и поговаривали, что транспорт направляется в Минск, но назывались и другие города. Понятно было лишь то, что нас везут не в Ригу и не в Лодзь, эти лагеря были уже закрыты»¹⁰¹. Полная ясность в вопросе о месте назначения появилась лишь в день отправления транспорта. При выходе со сборного пункта каждый должен был предъявить свое удостоверение, на которое ставился штемпель с отметкой «14 ноября 1941 года эвакуируется из Берлина в Минск»¹⁰².

Как видно из ряда свидетельств тех, кто остался в живых, депортируемые, несмотря на всю неопределенность положения, не верили в худшее, они отправлялись в путь на чужбину с затаенной верой и надеждой. Гюнтер Роденбург пишет в своей публикации «Последние 26 дней в Бремене»: «Накануне фрау М. навестила еще несколько семей, с которыми была дружна. В коридоре уже стояли упакованные чемоданы, о предстоящем отъезде говорили в абсолютно обычном тоне. Никто не имел представления, куда придется ехать и сколько времени продлится дорога. Некото-

⁹⁹ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 17f.

¹⁰⁰ Adler: Der verwaltete Mensch, S. 177. Так, например, в призыве к депортации, обращенном к кельнским евреям (Документ 1, см. Приложение), говорилось: «В больших количествах требуются лопаты, мотыги, топоры, кодуны, молотки, клещи, гвозди и иной инвентарь» [...]. Там же, с. 398 и след.

¹⁰¹ Loewenstein: Minsk, S. 13.

¹⁰² Там же, с. 14.

рые женщины еще успели забежать в парикмахерскую, потому что не знали, когда еще им представится такая возможность. Большинство были уверены, что везут их на работы в какие-то трудовые лагеря»¹⁰³. Насколько не осведомлены были депортируемые, видно и из записок Юргена Вайдемана, который беседовал с оставшимися в живых евреях из бременского транспорта. Так, Мартин Шпаниер рассказывал ему: «Помнится, Макс Лёвенштайну кто-то сказал, что он может захватить с собой удочки, потому что там, на Востоке, хорошая рыбалка»¹⁰⁴. А другой еврей из франкфуртского транспорта пишет: «Я, в своей детской наивности, даже радовался тому, что и мне, наконец, предстоит большое путешествие»¹⁰⁵. Гюнтер Катценштайн, которому ко времени депортации исполнился 21 год, говорит в интервью: «[...] я, например, воспринимал всю эту историю с депортацией как своего рода приключение»¹⁰⁶.

В значительной степени такое подчас поразительно невозможное отношение к депортации объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что евреев в большинстве случаев вывозили семьями, вместе с родственниками, друзьями и знакомыми. Розенберг пишет: «В том, что мы были все вместе — моя семья, Эрика и я, — была теперь наша сила и надежда»¹⁰⁷. Уверенность, что им предстоит справиться с будущим, каким бы трудным оно ни было, не в одиночку, действительно придавала силы, судя по всему, многим людям.

Некоторые из тех, кто не был включен в списки депортируемых, старались попасть в транспорт вместе с родными и друзьями — как, например, будущая жена Розенберга¹⁰⁸ и будущая жена

¹⁰³ Rohdenburg: Die letzten 26 Tage in Bremen. S. 14.

¹⁰⁴ Weidemann, Jürgen: „Hunger, Krankheit und Tod waren allgegenwärtig“, S. 24.

¹⁰⁵ Nur einer kam nach Frankfurt zurück, S. 16. Interview mit Günther Katzenstein, S. 11.

¹⁰⁶ Interview mit Günther Katzenstein, S. 11.

¹⁰⁷ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 17.

¹⁰⁸ Узнав, что ее опекуны, а также Розенберги, семья ее друзей, получили извещение о депортации, подруга Розенберга выразила желание присоединиться к ним: «В тот день, попозже, раздался звонок в дверь: пришла Эрика. На глазах у нее были слезы. Она сказала, что ее приемных родителей тоже включили в список на тот же транспорт. Хайнц, — сказала она, — если вас всех увозят, то и я хочу ехать с вами. Мы пытались уговорить ее остаться, но она уже приняла решение». Там же, с. 15.

Катценштайна¹⁰⁹. Стремление оставаться с родными и друзьями свидетельствует о том, что в большинстве своем люди не имели ни малейшего представления о том, что их ждет там, куда их увозят.

Некоторые евреи, однако, очень хорошо понимали, что им предстоит, и добровольно уходили из жизни либо обдумывали такую возможность. Точные данные о том, сколько евреев покончили с собой непосредственно перед депортацией, отсутствуют. Розенберг говорит в своих воспоминаниях о двадцати таких случаях в гамбургском транспорте¹¹⁰. Опубликованные письма еврейской супружеской пары Линдемайер, депортированной из Дюссельдорфа в Минск и погибшей там, свидетельствуют о том, что некоторые евреи перед депортацией подумывали о самоубийстве. Георг и Фрида Линдемайер писали эти письма своим трем детям, которым удалось своевременно бежать в Великобританию. Из писем видно, что после получения извещения о депортации и сами супруги Линдемайер обдумывали возможность самоубийства. О том, что такие мысли не покидали их довольно долго, писала детям Линдемайеров после войны бывшая домработница семьи, которая поддерживала очень тесный контакт с супругами. И тем не менее они отправились в Минск. От мысли о самоубийстве они отказались потому, что это запрещала их вера. Кроме того, мужества придавала им и надежда, что они когда-нибудь еще встретятся со своими детьми¹¹¹. К тому же, по словам домработницы, они представления не имели, насколько трудно им придется, не могли и предположить, что не смогут даже получать письма от своих детей¹¹².

¹⁰⁹ Катценштайн о решении своей невесты, которая была еврейкой только наполовину, ехать в Минск вместе с ним: «Ну, а потом, когда зашла речь о депортации, она за моей спиной отправилась в СС, в СД (?), как мне помнится, и добровольно записалась на депортацию. В семье было еще [...] трое детей; один брат тоже добровольно уехал в Минск вместе со своим другом». Interview mit Günther Katzenstein, S. 4.

¹¹⁰ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 16 и след.

¹¹¹ Фрау Линдемайер пишет 8.11.1941 своим трем детям: «После трудной внутренней борьбы я решила не покидать папу одного, хотя сама предпочла бы сон, если бы знала, что мне уже не суждено встретиться с вами». ...wir leben doch in Gedanken mit Euch...“ Briefe von Georg und Frieda Lindemeyer 1937 bis 1941. Dokumente der Verfolgung von Christen jüdischer Herkunft in Düsseldorf, hrsg. v. Christoph Moß, Düsseldorf 2002, S. 216f.

¹¹² Там же, с. 227.

2.4. Прибытие в Минск

Первый транспорт с немецкими евреями прибыл в Минск вечером 11 ноября 1941 года. Хайнц Розенберг пишет, что эсэсовское командование приняло решение не разгружать транспорт до утра. Поэтому депортированным пришлось еще одну ночь провести в холодных вагонах. Ночью Розенберг наблюдал, как эсэсовцы и другие солдаты в разных униформах разглядывали состав¹¹³. «Мы не знали, как расценивать это любопытство — как хороший или как плохой знак? Тогда мы еще не знали, что мы — первый транспорт немецких евреев, прибывший в Минск...»¹¹⁴

Прибытие оставшиеся в живых евреи из разных транспортов описывают по-разному. Карл Лёвештайн пишет о том, как в вагоны врывались латыши и пинками вышвыривали приехавших на платформу¹¹⁵. Еврей из франкфуртского транспорта отмечает в своих анонимных воспоминаниях, что после прибытия пассажиры вначале должны были навести порядок в поезде¹¹⁶. Мартин Шпаниер, еврей из бременского транспорта, рассказывает, что эсэсовцы встречали депортированных ударами плетей¹¹⁷. Розенберг воссоздает следующую сцену: «Мы должны были взять свою ручную кладь и построиться у вагона. Нас пересчитали и приказали ждать. Вдруг эсэсовский офицер вызвал еврейского начальника транспорта. Доктор Франк тут же подошел к нему, встал по стойке смирно и доложил: «Всего прибыл 971 человек: мужчины, женщины и дети из Гамбурга». Посмотрев на него, офицер сказал: «Ты, грязный еврей, помни: обращаясь к офицеру или любому другому немцу, ты должен снять шляпу и подождать, пока тебе не разрешат говорить!» При этих словах он взял свой кожаный хлыст и с такой силой стеганул

¹¹³ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 18f.

¹¹⁴ Там же, с. 19.

¹¹⁵ Loewenstein: Minsk, S. 15f.

¹¹⁶ Anonymer Bericht: Frau und einziges Kind in Minsk ermordet, Bl. 1.

¹¹⁷ Weidemann, Jürgen: Martin Spanier, in: Es geht tatsächlich nach Minsk. Texte und Materialien zur Erinnerung an die Deportation von Bremer Juden am 18.11.1941 in das Vernichtungslager Minsk, hrsg. v. Staatsarchiv Bremen, Bremen 2001, S. 55–57, S. 55.

доктора Франка по лицу, что тот упал и не смог подняться без нашей помощи»¹¹⁸.

Что касается пути от железнодорожной станции до гетто, то все отмечают, что он был очень трудным. Депортированным пришлось тащиться пешком по разрушенному до основания Минску к гетто, находившемуся в другой части города, примерно в семи километрах от станции¹¹⁹. Розенберг пересказывает содержание приказа офицера СС: «Сейчас вы под конвоем моего отряда маршем отправитесь в гетто. Тот, кто попытается бежать или не подчинится приказу, будет расстрелян. За каждого, кто попытается бежать, будут расстреляны сто из вас. В гетто достаточно места для всех. Работы по расчистке будут начаты незамедлительно. С восьми часов вечера до шести утра в гетто запрещается выходить на улицу»¹²⁰. Лёвенштайн описывает этот трудный путь следующим образом: «Железнодорожная станция в Минске находилась на другом конце города, поэтому путь до лагеря показался нам бесконечным. Поскольку среди нас было много стариков, наша колонна — нам приказали построиться в колонну — сильно растянулась во время этого марша, хотя шли мы очень медленно. Но и такое медленное продвижение было для стариков слишком быстрым. И они становились желанными жертвами для латышей, которые подгоняли бедняг ударами прикладов»¹²¹.

Как бы по-разному ни встречали эсэсовцы разные транспорты, все документы свидетельствуют о том, что немецкое командование с первой же минуты однозначно демонстрировало свою силовую позицию. Вера в лучшее и восприятие переезда как приключения, еще сохранявшиеся у некоторых депортируемых в дороге, теперь испарились. Катценштайн рассказывает в интервью, что если саму поездку он еще воспринимал как некое приключение, то такое представление исчезло у него в тот момент, когда поезд

¹¹⁸ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 19.

¹¹⁹ Kingreen: Gewaltsam verschleppt aus Frankfurt, S. 363.

¹²⁰ Rosenberg: Jahre des Schreckens, S. 19f.

¹²¹ Loewenstein: Minsk, S. 16.

прибыл в Минск: «Да, она [мысль о приключении.— Примеч. автора] исчезла, как только мы прибыли в Минск. Как только людей стали вышвыривать в окна, как только латышские, или литовские, или украинские эсэсовцы принялись ударами плетей выгонять нас из вагонов, потому что им казалось, что выгрузка продвигается слишком медленно. А потом депортированным предстояла долгая дорога по поднимающейся вверх улице к так называемому гетто. Что нас ожидало там — это уже другая история. Вот так и растаяло тогда представление о приключении»¹²². С момента прибытия депортированные оказались в непредсказуемой ситуации, сразу же столкнулись с произволом и издевательствами, и надежда на то, что с ними будут обращаться по-человечески, испарилась. Однако несомненно: лишь единицы понимали, что покинуть этот город живыми посчастливится немногим.

¹²² Interview mit Günther Katzenstein, S. 11.

Таблица 1

Депортации в Минск в 1941 году

Город	Дата от-правл., 1941 год	Дата при-бытия, 1941 год	Число депор-тир. лиц	Число уста-новл. погиб-ших	Чис-ло уста-новл. вы-жив-ших	Источник
Гамбург	8.XI	1.XI	990	952		Gerlach: Kalkulierte Morde, S. 752
Дюссельдорф	10.XI	15.XI	993		5	Auskunft d. Mahn- u. Gedenkstätte Düsseldorf
Франкфурт-на-Майне	11.XI	17.XI	1.042		9	Kingreen: „Nach der Kristallnacht“, S. 362 ff.
Берлин	14.XI	18.XI	956		3	Gerlach: Kalkulierte Morde, S. 752
Брно	16.XI	21.XI	999		11	Gerlach: Kalkulierte Morde, S. 752
Гамбург / Бремен	18.XI	23.XI	407 (1) ⁵⁶ 570 ⁵⁷	403	6	Hamb. Jüdische Opfer des Nat. soz. Gedenk. S. XIX; Es geht tats. nach Minsk, S. 7
Вена	28.XI	05.XII	1.001			Gottwaldt/Schulle: Die „Judentport.“, S. 97

1.3.1. Категории депортируемых

Депортации подлежали лица, которые согласно Нюрнбергским законам о гражданстве и расе от 1935 года признавались евреями. Депортационная волна 1941 года не коснулась следующих категорий:

1. евреев из смешанных немецко-еврейских браков;
2. евреев с иностранным подданством (однако данное исключение не распространялось на лиц без гражданства, на бывших подданных Польши и Люксембурга, а также на советских граждан);

⁵⁶ К жителям Гамбурга в некоторых транспортах присоединяли евреев из других населенных пунктов, которые ранее не числились членами ни одной из еврейских общин Гамбурга. Их число, указанное в скобках, включено и в общее число депортируемых в соответствующем транспорте.

⁵⁷ В том числе 440 из самого Бремена и 130 из административного округа Штаде.

3. евреев, работающих на закрытых производствах, и членов их семей, если соответствующая военно-промышленная организация или ведомство по вопросам труда не дали согласия на эвакуацию;

4. евреи старше 60 лет⁵⁸.

По транспорту, отправленному в Минск 18 ноября 1941 года, имеются следующие данные гестапо относительно возраста депортируемых:

Таблица 2

Возрастная структура депортируемых из Бремена⁵⁹

Возраст	Мужчины	Женщины
0—14 лет	29	34
14—20 лет	20	21
20—30 лет	26	23
30—40 лет	29	48
40—50 лет	42	54
50—60 лет	63	71
60—70 лет	44	55
70—80 лет	2	9
Всего	255	315

Из данной таблицы видно, что директивы по депортации, касающиеся возраста, не соблюдались. Более 100 из 570 депортируемых из Бремена евреев были старше 60 лет, то есть не подлежали депортации.

Приведенные цифры свидетельствуют также, что среди депортируемых было много детей: 63 человека моложе 14 лет.

Данные о возрастной структуре имеются также по франкфуртскому транспорту. Средний возраст депортируемых составлял там 39 лет, то есть был очень низким. Это объясняется наличием среди депортируемых большого числа детей. Для сравнения: средний возраст лиц, депортируемых из Франкфурта в Лодзь, состав-

⁵⁸ Judentportationen aus dem Reichsgebiet I, Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen (ZSt), Bundesarchiv Außenstelle Ludwigsburg, B 162/190, Bl.5.

⁵⁹ Es geht tatsächlich nach Minsk, S. 124.